

Прошел месяц, и Аврора почувствовала, что время ее рождения близко. Почему? потому что ее жилплощадь казалась чертовски тесной. Она боялась, что если не родится в ближайшее время, то навсегда застрянет внутри своей матери. Пока она думала об этом, как будто сам мир слушал ее, у ее матери отошли воды.

В больничной палате симпатичная женщина со светло-каштановыми волосами кричала во все горло, тужась изо всех сил. В данный момент единственное, о чем она могла думать, - это убить своего мужа за то, что он заставил ее пройти через это.

“Наги, клянусь богом, после этого я убью тебя!” Наги, которому в настоящее время раздавили руку женщина, которую он любил, не мог ничего поделать, кроме кривой улыбки на лице. Последний месяц был для него действительно тяжелым. Перепады настроения Химики с каждым днем становились все более дикими, не говоря уже о ее постоянных угрозах убийства.

“Ну же, милая, еще немного, и все закончится”, - пытался он успокоить ее уже который раз. По правде говоря, эти слова были больше для него, чем для нее, поскольку его рука уже некоторое время была сломана. Эта женщина, шиноби в ранге джоунина, была хорошо известна своей физической силой.

Десять минут спустя малышка наконец вышла, так как в комнате были слышны ее крики. Аврора была в восторге от того, что наконец-то выбралась наружу. То, что врачи, медсестры и ее родители приняли за обычные крики новорожденного ребенка, на самом деле было криками торжества Авроры.

“Чтоаа, чтоаа “Я свободна, ублюдки! Больше никаких гребаных скучных черных, которым абсолютно нечего делать!””

Медсестра, которая в данный момент убирала ребенка, ничего не могла сделать, кроме как улыбнуться ее миловидности. В данный момент малышка размахивала своими крошечными ручками, как будто праздновала победу. После того, как медсестра закончила уборку и завернула ребенка в теплое одеяло, прежде чем передать ее матери.

“Поздравляю, она здоровая девочка”

Измученная мать держала своего ребенка с такой яркой улыбкой, какая может быть только у матери. Она испытывала такую радость от встречи со своей маленькой девочкой, что слезы не переставали литься из ее глаз. По правде говоря, после этого случая она думала, что никогда не станет матерью.

Во время третьей войны шиноби, когда она была всего лишь наивным чунином, вражеский ниндзя набросился на нее и ударил в живот своим танто. В то время она была уверена в своей смерти, но чудесным образом союзный отряд с медиком-ниндзя вовремя спас ее. К сожалению, атака повредила ее матку, сведя шансы на успешную беременность практически к нулю.

Неизвестная Химики, Наги и Авроре, единственная причина, по которой беременность была успешной, заключалась в том, что мутировавшая душа Авроры изменила зиготу. Благодаря адаптивности 682 новое тело Авроры сумело выкарабкаться, в противном случае естественный аборт произошел бы примерно на третьем или четвертом месяце.

Наги тоже улыбался, несмотря на боль в левой руке. На данный момент он получал некоторое лечение от своей сломанной руки, улыбаясь счастливой Химики.

“Как мы и договаривались, ты можешь назвать ее милая” Наги и Химики договорились, что он

назовет ребенка, если он будет мальчиком, а Химики - девочкой. По правде говоря, Наги было все равно, что она девушка. Он был просто рад быть отцом, несмотря ни на что. Даже госпожа Цунаде сказала, что ее любимая Химики никогда не сможет стать матерью. Теперь он был просто рад, что получил такое чудо.

“Я назову ее Томока, моя маленькая Томока” Химики выбрала это имя давным-давно. Причина этого заключалась в том, что для нее ее ребенок был бы самым драгоценным камнем, который когда-либо украшал этот мир. И не только это, но у нее было предчувствие. Она чувствовала, что ее дочь будет умной, уверенной в себе, красивой, но прежде всего она будет верна себе и верна своим друзьям.

“Это красивое имя, милая”, - взгляд Наги остановился на маленькой Томоке, когда маленькая девочка пристально посмотрела в глаза своей матери. Ярко-зеленые глаза встретились с карими глазами, принадлежавшими ее матери. Наги был уверен, что между ними возникла связь, когда они смотрели друг на друга.

Тем временем Томока чувствовала себя немного противоречиво. По правде говоря, ей нравилось ее новое имя, но она не хотела избавляться от своего старого. В конце концов, это было дано ее первыми родителями. По общему признанию, это были не самые лучшие родители, они немного пренебрегали ею, пока она росла, но, в конечном счете, не самые худшие. В конце концов она смирилась со своей судьбой. Не то чтобы у нее было право голоса в этом вопросе.

На самом деле, это небольшое нежелание длилось недолго, так как вместо этого она сосредоточилась на лице своей матери. По правде говоря, Химики довольно красива. Несмотря на кажущийся скучным цвет ее волос и глаз, нельзя было отрицать красоту, которой обладала эта женщина. Конечно, ее нельзя было сравнить с супермоделями из прошлой жизни Томоки. Тем не менее она все еще была красавицей.

Томока чувствовала себя счастливой, потому что с такой красивой женщиной, как ее мать, она наверняка тоже будет красивой, когда вырастет. Эта мысль вызывает у нее смешок, заставляющий сердца всех в комнате таять от чистой неподдельной привлекательности.

Это, однако, не помешало врачам и даже Наги заметить несколько странных вещей в Томоке. Для начала, несколько прядей волос на голове новорожденного были ярко-красного цвета, не отличающегося от волос клана Узумаки. Выше этого было явное удивление, исходящее от члена клана Хьюга, ответственного за проверку маленькой Томоки на предмет каких-либо странностей.

Для начала, у Ребенка было много чакры, проходящей через ее тело. Еще более тревожной была скорость, с которой двигалась упомянутая чакра. Если бы кто-то сравнил запас чакры Томоки с настоящим ниндзя, то она была бы примерно на низком уровне генина.

Настоящая проблема заключалась в скорости, с которой двигалась чакра. По всем соображениям и целям Томока должна быть мертва, ее маленькое тельце превратилось в месиво из-за ее собственной чакры. Только ниндзя из высшего класса чунинов мог справиться с уровнем стресса, вызванного таким происшествием. И все же маленькая Томока казалась совершенно невозмутимой.